

Каким бывает **ПОДВИГ**

В современном сознании, благодаря воздействию массовой культуры, героизм, подвиг считаются чем-то ярким, эффектным, герой воспринимается как человек особый, как некий супермен. Но так ли это с точки зрения христианства? Кого мы называем героями? Что такое для нас подвиг? И каковы могут быть разновидности подвига? Что остается общим при всех различиях? Давайте разберемся. ➔

Фото Натальи Макаренко

Что такое подвиг и кого можно считать героем? Ответы на эти вопросы не столь очевидны, как это может показаться сначала.

Нам сразу представляется что-то очень яркое, выразительное. Скажем, подвиги на войне — броситься под танк с гранатой, прикрыть товарищей в бою ценой собственной жизни, стойко выдержать пытки во вражеском плену. Такое представление мы впитываем в себя, пожалуй, еще с детства, с наших первых детских книг о смелых и отважных героях, поразивших наше воображение и навсегда впечатавшихся в нашу память. Как пел в своей замечательной песне Владимир Высоцкий:

*Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров,
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от детских своих катастроф.
Детям вечно досажен их возраст и быт,
И дрались мы до ссадин, до смертных обид.
Но одежды латали нам матери в срок,
Мы же книги глотали, пьянея от строк...
А в кипящих котлах прежних войн и смут,
Столько пищи для маленьких наших мозгов.
Мы на роли предателей, трусов, чуд*

*В детских играх своих назначали врагов.
И злодея слезам не давали остыть,
И прекраснейших дам обещали любить.
И друзей успокоив, и близких любя,
Мы на роли героев вводили себя!...*

И правда, перефразируя известную пословицу, наверно, плох тот мальчик, который не мечтал стать героем, когда вырастет. Кто не представлял, что, сражаясь с врагом, будет совершать удивительные подвиги! Ведь кто такой герой? Это очень мужественный, очень сильный и очень благородный человек. Если надо, он, не задумываясь, пожертвует собой ради своего народа и Родины, в идеале — ради целого мира на Земле, то есть ради счастья и благополучия вообще всех людей на свете.

В любом мужчине уже с детства изначально заложена тяга к подвигам, к тому, чтобы, взяв в руку меч, «в жарком бою испытать что почем»... Узнать «тайну слова “приказ”, назначение границ, смысл атаки и лязг боевых колесниц»... Так что не будет преувеличением сказать, что быть героем — это настоящее призвание мужчины. Мужчина — это значит, прежде всего, защитник — своей семьи, жены и детей, Родины.

Действительно, именно во время войн мы наблюдаем очень яркие примеры настоящего героизма. Да и вообще, уже сама профессия солдата, офицера — героическая. От воина, солдата в бою требуется прежде всего готовность не щадить даже собственной жизни при исполнении воинского долга.

Однако тут мы еще не ответили на вопрос, а что такое подвиг сам по себе. Да, на войне совершают героические подвиги, но ведь их, между прочим, совершают и в мирное время. Да и вообще, подвиг — это совсем не обязательно всегда что-то яркое, красочное и эффектное, что сразу замечают и чем восторгаются окружающие. Порой, как ни странно, бывает, что самые настоящие герои живут скромной и незаметной жизнью, не блистают на виду своей силой и славой. Они не хвастаются своими подвигами, и бывает, что люди узнают об этих героях уже после их смерти.

Вот так живет человек — не вытаскивает никого из огня на виду у всех, не закрывает грудью пулемет, не отправляет в нокаут вооруженных грабителей, и поэтому о нем не пишут в газетах и не говорят по телевизору. Быть может, о нем вообще никто не знает, кроме близких, соседей и коллег на работе. Он может быть бедняком, инвалидом, скромно трудиться на малозаметной работе. И при этом — он настоящий герой.

Так что же такое подвиг сам по себе? И какой он еще бывает, настоящий герой?

Хранитель взлетно-посадочной полосы

Дело было в селе Ижма, в далекой республике Коми, на севере России. В советские годы там открыли аэропорт, который принимал самолеты местных

Бывает, что самые настоящие герои живут скромной и незаметной жизнью, не блистают на виду своей силой и славой.

воздушных авиалиний. В постсоветское время жизнь на российском Севере начала угасать. Один за другим закрывались предприятия и объекты социальной сферы (библиотеки, дома культуры и так далее), резко сократился северный завоз. В разы упали зарплаты, люди стали массово уезжать «на материк». В 2003 году ижемский аэропорт из-за резкого сокращения авиаперелетов закрыли и переименовали его в площадку для приема вертолетов, уволив весь персонал. А вертолетам для приземления совсем не нужно столько места, как самолетам, и содержать небольшую площадку в порядке гораздо проще, чем целую взлетно-посадочную полосу.

Однако начальник бывшего аэропорта, а теперь вертолетной площадки Сергей Сотников продолжал зачем-то почти каждый день убирать со взлетно-посадочной полосы бревна, мусор, арматуру, регулярно вырубать ивняк, который прорастал между бетонными плитами. «Я, как началь-

ник вертолетной площадки, был обязан следить за порядком на взлетной полосе, — говорил позже Сергей. — Я что? Я просто по взлетке ездить не давал. На лошадях большинство, навоз падает, сохнет, вертолет ветер поднимает, все летит в глаза. Непорядок. Или бревно упадет, будет валяться, люди еще бутылок накидают. Для себя, короче, убирал. Чтобы было приятно».

По этой же причине Сотников не давал оставлять на взлетной полосе машины грибникам, устроил однажды разнос односельчанину, нарубившему дров и сложившему их на бетонной полосе.

Все это он делал целых семь лет. Хорошо известна фраза, что если каждый день поливать сухое дерево, то рано или поздно оно зацветет. И однажды в ижемском аэропорту случилось настоящее чудо. 7 сентября 2010 года на пролетавшем над республикой Коми Ту-154 после трех с половиной часов полета внезапно отказала электроника. Нужно было срочно садиться, но куда? Кругом тайга. И вдруг пилоты увидели тот самый аэродром, превращенный в вертолетную площадку и, о чудо, пригодную для приземления бетонную взлетно-посадочную полосу.

Так многолетнее упорство Сергея Сотникова спасло жизни 72 пассажирам и 9 членам экипажа — всего 81 человеку. А ведь вполне возможно, что ему и пальцем у виска крутили, и просто не понимали, мол, да зачем ты все это делаешь? Ну зачем тебе это надо?

А вот, оказывается, зачем.

Долгий подвиг: любовь и смирение

Итак, что можно считать подвигом и на войне, и в мирное время? Он случается, когда в экстремальной ситуации, в каких-то критических обстоятельствах человек совершает предельное усилие в ущерб самому себе, своему комфорту и благополучию, а порой даже и своей жизни. При этом он проявляет два важнейших качества. Они, наверное, самое главное, что и позволяет совершенный им поступок называть подвигом.

Во-первых, это *любовь*, любовь к людям — быть может, к каким-то конкретным, тем, кто уже рядом, например, к своим близким, а может, к совершенно посторонним. Ведь человек может жертвовать собой и своими интересами ради пока совершенно незнакомых ему людей, вдруг оказавшихся рядом с ним в беде. Либо, как в случае с «хранителем полосы» Сергеем Сотниковым, спасшим 81 человека, жертвенное поведение, которое представляется окружающим нелепым чудачеством, оказывается проявлением любви к людям пока неизвестным и далеким. И чудачество оборачивается настоящим чудом.

Второе важнейшее качество для подвига — это предельная скромность настоящего героя, то, что он никак не выпячивает себя и не совершает свой поступок ради славы себе или какой другой выгоды. На христианском языке такое свойство называется *смирением*. Оно, в принципе, является обратной стороной любви, ведь любовь, по широко известным словам апостола Павла, *долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор 13:4–7). ➔

Поэтому нельзя считать настоящим героизмом то, что сегодня в массовом сознании, особенно в молодежной среде, воспринимается как удаля, крутизна. Скажем, поведение «зацеперов» (тех, кто катается на электрочках, прицепившись к ним снаружи) и иных «адреналинщиков». Ведь в их риске нет по большому счету ни любви, ни смирения и скромности, а есть лишь незрелое желание хоть как-то выразить свою силу и смелость. Желание, которое может обернуться огромным и при этом напрасным горем для их семьи и близких. Причина такого поведения — банальная адреналиновая зависимость вкупе со тщеславием, чтобы добиться уважения со стороны сверстников, а за что — не так уж и важно.

Кстати, у великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского в романе «Братья Карамазовы» есть одно любопытное выражение — *долгий подвиг*. По Достоевскому, он важнее и сложнее, чем какое-то однократное и быстрое героическое деяние. Он говорит, что только мечтательная, еще незрелая любовь хочет скорого подвига, какого-то не очень продолжительного напряжения, быстро совершаемого и максимального по внешней отдаче. «Тут действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорей совершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили. Любовь же деятельная — это работа и выдержка, а для иных так пожалуй целая наука».

Нельзя считать настоящим героизмом то, что сегодня в массовом сознании воспринимается как удаля, крутизна.

В этом смысле настоящий долгий подвиг совершают те, кто просто долгие годы тихо и незаметно для окружающих ухаживает за своими тяжелобольными родственниками. Или мать, которая в одиночку растит своего ребенка-инвалида, пожертвовав для него карьерой и личной жизнью, каждый день тратя на него все свои силы и все свое время — разве она не совершает подвиг? Тот самый долгий подвиг, о котором говорил Достоевский?

Или, например, разве не совершают подвиг те, кто усыновляет чужих, порой даже больных детей? Или те, кто опять же тихо и незаметно регулярно помогают вообще незнакомым людям, попавшим в беду, тратя свое время и силы, при этом не требуя себе вознаграждения или славы?

Вот на таких вещах по большому счету и держится мир.

Герои и подвижники

Между прочим, само слово «герой» — ἥρως (*hērōs*) — родом из Древней Греции, у него языческое происхождение. Так греки называли выдающихся воинов и военачальников или людей, име-

ющих божественное происхождение (полубогов), благородных и обладающих огромными силами, но при всем при том — смертных: Геракл, Ахилл, Персей, и так далее.

В мифах герои красочно побеждали своих врагов, убивали разных страшных чудовищ, мучивших людей, и вносили тем самым в окружающую жизнь порядок и гармонию, окультуривали ее. Однако важно то, что герои в греческих мифах принципиально были лишены бессмертия, хотя очень к нему стремились, но почти всегда неудачно. Например, мать Ахилла богиня Фетида закаляет сына в огне, выжигая все смертное, но забывает сделать то же самое и с его пяткой (знаменитая Ахиллесова пята). Или один из подвигов Геракла: он похитил яблоки Гесперид, способные дать вечную молодость, но богиня Афина вернула их на место.

Невозможность достичь бессмертия компенсировалась стремлением к вечной славе в памяти потомков. Это показывает, что античный героизм был неискоренимо земным явлением. И правда, страстное желание бессмертия и невозможность его достичь, поиск почета и славы, богатства и добычи (ради чего слишком часто велись войны и совершались воинские подвиги), даже взятое само по себе самопожертвование ради своего народа не являются собой нечто безусловно доброе с христианской точки зрения.

Христианство выработало иное понимание подвига, в котором максимально выражены те два свойства, о которых мы говорили ранее — любовь и смирение. Обратите внимание, что само это слово — «подвиг» — образовано от слова «движение». Движение чего и куда? В христианском смысле тот, кто совершает подвиг (то есть в современной терминологии герой, а в традиционной — подвижник), что-то такое *двигает*. Что же именно? Ответ может показаться парадоксальным: себя. То есть что-то сдвигает в своей душе. С трудом, с усилием, с кровью и потом, но ради того, чтобы в максимальной степени приобрести эти два главных качества — любовь и смирение. Христианский аскет или подвижник проходит сложнейший и тяжелейший путь борьбы с собственными страстями, чтобы подняться по духовной лестнице, подняться к Богу.

Тем самым в собственной душе он старается победить главный источник всех человеческих неурядиц — многообразный грех, опутавший человека. Ведь не будь самого первого, рокового грехопадения, предопределившего трагическую человеческую историю и все наши страдания, то и никаких бедствий на Земле, например войн с их ужасами, вообще бы не было.

Владеющий собою — лучше завоевателя города

И если античный герой мужественно сражается с могучими врагами или громадными препятствиями во внешнем мире, то христианский подвижник вступил в схватку с самим собой. А это самая тяжелая битва на свете. В Библии сказано, что *долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города* (Прит 16:32). Труднее овладеть собой, чем захватить целый город пото-

Фото Михаила Богомаза

му, что тут война идет не с видимым врагом, а с невидимым — собственными грехами и бесами. Как сказал один мой знакомый священник, «мы, христиане, боремся не с людьми, а с демонами».

При этом, разумеется, любой христианский подвиг восходит к самому главному подвигу на протяжении всей человеческой истории, и прошлой, и будущей — то есть к подвигу Иисуса Христа. Он добровольно пошел на мучительную смерть, при том, что по человеческой Своей природе ужасался предстоящей муке, но Своей человеческой волей преодолел этот страх: *Но не чего Я хочу, а чего Ты* (Мк 14:36). Любой христианский подвиг в уменьшенном масштабе воспроизводит этот подвиг Спасителя.

Впрочем, тут возникает вопрос: неужели получается, что считать подвижником можно только сознательно верующего христианина? Неужели если человек маловерующий или совсем неверующий, или принадлежит к другой религии, то он в принципе не способен на подвиг в его христианском понимании — когда *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15:13)?

Конечно, нет. С этой точки зрения и герои-молдогвардейцы (неверующие советские комсомольцы), и иудей Януш Корчак, отправившийся вместе

со своими малолетними воспитанниками в концлагерь Трешлинка, совершили настоящий подвиг. Потому что все это они делали из любви.

А такая любовь, если она искренняя, не замутненная страстями и действует на пределе самопожертвования, уже сама по себе свидетельствует о подспудной, может, даже неосознанной тяге к Богу, который есть Любовь (1 Иоан 4:16). И пускай в силу не зависящих от них обстоятельств эти люди не уверовали во Христа — типологически их подвиги сродни подвигу христианскому. Так что с христианской точки зрения жертвенная любовь как таковая, если она сопровождается смирением, — это, безусловно, тоже ступенька лестницы, ведущей ко Христу.

* * *

В этом номере мы, конечно, не можем рассказать обо всех героях нашей страны, особенно если речь идет о масштабных событиях, когда тысячи людей совершают подвиги. Увы, объем журнала ограничен. Но на примерах отдельных судеб мы постарались раскрыть самые разные грани человеческого подвига в христианском его понимании. **ф.**

Юрий Пуцаев